

Татьяна Джаксон

**«Русская река»: Речные пути
Восточной Европы в античной
и средневековой географии**

«Языки Славянской Культуры»

Джаксон Т. Н.

«Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т. Н. Джаксон — «Языки Славянской Культуры»,

Монография представляет собой серию очерков, в которых обобщены результаты многолетней работы авторов по изучению речных путей Восточной Европы на основе античных, арабо-персидских и скандинавских нарративных источников, а также традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии. В книге исследуются представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы и рассматривается роль речных путей региона в системе международных связей в различные исторические периоды. Первая глава, написанная А.В.Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т.М.Калининой и И.Г.Коноваловой, включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т.Н.Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников. Для специалистов в области отечественной и всеобщей истории, истории географии и картографии, топонимики. От редакции электронной версии: Внимание! Текст содержит фразы и слова более чем на 25 языках. Будьте уверены, что программа или устройство, которым вы пользуетесь для чтения этой книги, правильно отображает все символы Unicode. Рекомендуемый шрифт – Arial Unicode MS.

© Джаксон Т. Н.
© Языки Славянской Культуры

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
ОЧЕРК I	8
ОЧЕРК 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В «РУССКАЯ РЕКА» РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИИ

Предисловие

Речная сеть нашей равнины – одна из выдающихся географических ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.

В. О. Ключевский

Особая роль речных путей для восточноевропейского региона, которая отмечалась уже античными авторами, совершенно очевидна. Среднерусская возвышенность была узлом четырех основных водных систем: Волжской, Днепровской, Западнодвинской и Волховско—Ильменской. Здесь лежали верховья рек. Отсюда пути вели на Каспий, в Черное море и на Балтику. Еще В. О. Ключевский заметил: «Нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут иногда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при нешироких и пологих водоразделах, *волоках*, облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам перевозакивание небольших речных судов из одного бассейна в другой» (Т. 1. С. 76).

В современной отечественной и международной историографии речные пути Восточной Европы рассматриваются либо монографически (Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки»), либо в рамках истории отдельных сфер человеческой деятельности – таких как торговля или транспорт, либо в источниковедческом плане применительно к изучению того или иного письменного памятника.

В настоящей работе речные пути Восточной Европы анализируются не столько в традиционном плане (т. е. как транспортные коммуникации и торговые пути), но в более широком смысле – как важнейшие пути некоммерческого обмена между народами, способствовавшие взаимной передаче знаний и опыта в самых разных сферах жизни. Речные пути способствовали установлению разнообразных контактов между различными аборигенными этносами Восточной Европы, а также между ними и пользовавшимися этими транспортными артериями выходцами из Скандинавии, Балтики, Западной и Южной Европы, стран Халифата. Соответственно, и информация об этих магистралях сохранилась в большом числе античных, византийских,

восточных, западно- и североевропейских источников – как нарративных, так и картографических.

Рассмотрение речной номенклатуры Восточной Европы в античных, арабо—персидских и скандинавских описательных источниках, а также анализ традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии позволили установить, что как в античном, так и в средневековом сознании, в рамках совершенно различных культурных традиций, существовал ряд, казалось бы, абстрактных гидрографических идей, тем не менее отталкивавшихся от реальной действительности, в первую очередь, осознание возможности сквозного плавания по рекам из северных областей Восточной Европы на юг, равно как и в обратном направлении – с юга на север.

При исследовании данных о речных путях Восточной Европы, содержащихся в наших источниках, мы руководствовались тем, что существует принципиальная разница между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Топонимы, не совпадавшие с реальными географическими объектами, служили основой для спекулятивных построений этногеографического и религиозно—мифологического характера, и – по мере географического освоения мира – перемещались в ментальном пространстве античных и средневековых авторов к краям ойкумены.

Обращение к широкому кругу разноязычных (греко—латинских, древнескандинавских, арабо—персидских, древнерусских) источников позволило исследовать как представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы, так и выяснить роль речных путей региона в системе международных связей Древней Руси в различные периоды ее истории.

Наша работа ни в коей мере не является только историко—географической. Для нас с самого начала было очевидно, что географические источники, подвергнутые традиционному историко—филологическому анализу, несут много важной для понимания исторических процессов информации – это касается вопросов локализации племен и народов, их миграций, историко—культурного районирования территорий, трансевразийских торговых коммуникаций, внешнеполитических связей Древнерусского государства и проч. В связи с этим система речных путей Восточной Европы, выявленная в этом исследовании, служит как бы каркасом, на котором крепится совокупность полученных из античных, восточных и древнескандинавских источников сведений по истории этого региона.

Работа представляет собой серию очерков, объединенных в три главы. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой (часть I) и И. Г. Коноваловой (часть II), включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо—персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Глава I

Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии

(А. В. Подосинов)

ОЧЕРК I

Греки и римляне в Восточной Европе: освоение пространства

Эта страна [Скифия] не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных... Природа земли им [скифам] благоприятствует, и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. Те из них, которые чем—нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис. Геродот, IV, 47; 82. (пер. Г. А. Стратановского)

Удивительно, как в изначально небольшой Греции с узким географическим кругозором вследствие некоей пытливей любознательности, проявлявшейся в перенимании знаний окружающих народов (египтян, ближневосточных, даже скифских), и в ходе колонизации отдаленных окраин, а также торговых, военных и политических контактов с народами периферии, со временем развилось грандиозное систематическое знание о географии и этнографии ойкумены. Это знание отразилось в трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего и Птолемея (если брать только сохранившиеся географические произведения греков и – вслед за ними – римлян).

Античная наука установила сферичность Земли, вычислила ее размеры, вычленила широтно—климатические зоны относительно видимого солнечного пути, нашла способ создать систему координат с помощью измеряемых градусами долгот и широт, чтобы разместить на карте всю известную сушу. Открытия, сделанные античными путешественниками и мореплавателями, позволили значительно расширить знания об обитаемой земле (ойкумене) от Балтийского моря до глубин Африки, от Ирландии до Индии и даже до Китая. Географическое исследование далеких территорий предшествовало их военно—политическому освоению, которое, в свою очередь, давало большой фактический материал для создания подробных географических описаний и даже карт (этот процесс хорошо прослеживается на примере завоеваний Александра Македонского). Клавдий Птолемей, чьи труды являются вершиной научной географии и картографии античности, в середине II в. н. э. располагал на своей карте мира более 8000 наименований, снабженных координатами, не считая нескольких сотен топонимов и этнонимов, не имеющих координат.

Особенностью античной географии был большой интерес к страноведческому аспекту. Этнография и география в большинстве античных географических произведений практически сплетались в один литературный жанр. Геродота, который после написания своей «Истории» именуется «отцом истории», вполне можно считать еще и «отцом географии», а также «отцом этнографии», поскольку и эти два аспекта составляли неотъемлемую часть его труда. Именно

этнографический (а также страноведческий, историко—политический) элемент античных географических описаний делает античную географию важным источником для исторических штудий, в частности, и для темы нашей книги.

Вместе с тем историко—географическая информация о периферии античного мира, извлекаемая исследователями из произведений античных авторов, имеет специфические черты, которые во многом затрудняют позитивистское, прямое использование источника, заставляют развивать различные методические приемы, позволяющие раскрыть истинное положение дел, или же, наоборот, отказаться от возможности увидеть в этой информации реальные факты.

Прежде всего сложность проистекает из естественного закона информационного поля, согласно которому объекты, расположенные дальше от центра сбора информации, известны слабее, чем расположенные ближе к нему. Периферию античного мира составляли иностранные по отношению к грекам и римлянам – и часто враждебные им – государства, народы и племена, имевшие свою культуру и свои языки; понятно, что получение информации о географическом и политическом положении этих регионов было часто затруднено. Путешественники и ученые, торговцы и колонисты, наемники и члены посольств – все те, кто мог побывать «за границей», становились источниками информации, собиравшейся в «центре». Двуязычие людей такого сорта делало возможным знакомство не только с устной информацией, идущей от «аборигенов», но и с местной историко—географической литературой, которая становилась известной грекам. Со временем и эллинизированные «варвары», в свою очередь, смогли писать труды на греческом языке, внося и свой вклад в общий фонд географических знаний.

Такой канал получения информации часто предполагал значительную ее деформацию, вызванную языковым барьером, разницей менталитета и проч. (вспомним полумифические данные о территории Скифии и скифской истории и религии в знаменитом «Скифском логосе» Геродота, полученные им в Ольвии как от местных греков, так и от самих скифов, в частности, от Тимна, приближенного скифского царя Ариапифа).

Удаленность и малоизвестность периферийных областей ойкумены порождала в качестве своего рода компенсации за отсутствие реальных сведений многочисленные спекулятивные построения космологического, географического, этнографического, религиозно—мифологического и бытового характера.¹ Отсюда проистекают известные нам по античной географической литературе дискуссии о том, как выглядят очертания материков (теории о круглой, прямоугольной или трапециевидной суше), окружена ли суша океаном со всех сторон или в каких—то направлениях уходит в неизвестную бесконечность (аргонавты – в древнейших версиях – могли из Черного моря перебраться по рекам Фасис или Танаис к океанским истокам Нила, чтобы по нему попасть снова в Средиземноморье); является ли Каспийское море заливом Океана или внутренним морем; откуда начинаются реки (из мирового Океана, с гор или из озер) и т. д. К следствиям малоизвестности периферии относится также природно—геометрический и этнографический параллелизм, который греки охотно усматривали во многих явлениях периферии ойкумены, например, в направлении течения рек – Нила и Дуная, или Нила и Танаиса, в особенностях нравов и образа жизни гипербореев и эфиопов, живущих на противоположных краях ойкумены,² и т. д.

Представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной, потусторонней периферией побуждало человека античности относиться к отдаленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами,

¹ См.: *Romm J. S. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 9:* «Where empirical data give out they [ancient geographers. – A. P.] employ any other means available – theory, myth, and fantasy – to define and depict the space in which they dwell».

² Ср.: *Romm J. S. The Edges of the Earth. P. 60:* «In many ways the Hyperboreans can be seen as mirror—image counterparts to the Ethiopians, inhabiting the northern edge of the world rather than the southern».

мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство.

Если взять район Черного моря, через который античная цивилизация познакомилась с Восточной Европой, то уже вход в него воспринимался до освоения Черного моря колонистами как вход в потусторонний мир.³ С таким представлением согласуется и помещение при входе в Черное море губительных мифических движущихся скал Планкты (или Симплегады, или Кианеи), знаменующих выход в Океан, и страны живущих на берегу Океана киммерийцев, где Одиссей нашел вход в Аид, и острова Левки (= острова блаженных⁴), где Ахилл – владельца мертвых – жил после своей смерти под Троей, и Таврики (Крыма), где было место обитания принесенной в жертву Агамемноном Ифигении, получившей, как и Ахилл, бессмертие и превратившейся в Гекату – богиню смерти, тесно связанную с миром мертвых, и пещеры (и реки) Ахерон (в районе Гераклеи Понтийской), соединяющей этот мир с Аидом, из которого Геракл извлек стража подземного мира – трехголового пса Кербера. В причерноморском регионе древние греки помещали и такие «реалии», как Кавказскую скалу, к которой Зевс приковал Прометея, дракона, сторожившего золотое руно в сказочном заокеанском царстве Ээта, и многие другие чудеса.

Связь Черного моря с потусторонним миром объясняется в немалой степени тем, что плавание в Черное море в древности воспринималось греками как выход в Океан – традиционное местонахождение загробного мира, т. е. Черное море виделось как Океан.⁵ Греческий географ рубежа эр Страбон свидетельствует:

В гомеровскую эпоху Понтийское (т. е. Черное. – А. П.) море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя 'Понт', подобно тому, как Гомера называли просто 'поэтом'. Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте,⁶ предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих представлений. (I, 2, 10; пер. Г. А. Стратановского).

Отсюда, вероятно, берет начало и прослеживаемое на протяжении всей античности представление о том, что Черное море соединяется с Северным Океаном (через реки Дон и/или Волгу), или же – по принципу удаления фантастического на более отдаленную периферию – что Меотида (Азовское море) является заливом Океана (подробнее об этом см. в Очерке 2).

«Мифологическое» восприятие этногеографических реалий Северного Причерноморья закончилось в период Великой греческой колонизации (VIII–VI вв. до н. э.), когда греки появились на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) и основали здесь многочисленные города и поселения. Греческая колонизация черноморских побережий (а в ней активно участвовали ионийцы – жители греческой Малой Азии) принесла много реалистических сведений о новых территориях, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI–V вв. до

³ Ср.: Vassileva M. Greek Ideas of the North and East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. R. Tsetschladze. Stuttgart, 1998. P. 69–77 (Historia Einzelschriften 121).

⁴ Острова блаженных, с которыми отождествлялся остров Левка, лежали, по традиционному мнению античных авторов, «за океаном», по ту его сторону – πέρην κλυτοῦ Ὠκεανοῦ (ср. Hesiod. Theog. 215, 274, 294).

⁵ См. об этом подробнее: Иваницкий А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 67–109.

⁶ Имелись в виду плавание Одиссея в страну киммерийцев и локализация страны Ээта (позднее Колхида).

н. э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской историко—географической мысли.

Тесные контакты черноморской периферии греческого мира с его центрами, активное участие ее в «большой политике» (напомню только о многолетнем снабжении Афин боспорским хлебом, о борьбе римлян с Митридатом Евпатором, закончившейся самоубийством Митридата в Керчи, о размещении римских войск в Крыму) постоянно обогащали античную литературу и, в частности, географию новыми и все расширяющимися данными, что создает для нас солидную источниковую базу. Тем не менее однажды зафиксированные в литературе фантастические детали и описания продолжали долго жить в литературе античности, благополучно перекочевав в Средневековье.

По мере освоения все новых территорий происходила постепенная демифологизация окраин, при этом нередко мифологические персонажи и реалии переносились все дальше к границам ойкумены. Так, амазонки из Малой Азии (где их локализовал Гомер) уже при Геродоте должны были «перебазироваться» в Северное Причерноморье, чтобы в римское время (например, у Помпония Мелы) оказаться почти у Северного океана, а в Средние века – на острове Амазанус в Балтийском море (как у арабского географа ал—Хорезми) или даже на севере Скандинавии (*Kwenland* исландских саг – «Страна женщин»). И наоборот, местности, раньше размещавшиеся где—то далеко на севере, на краю света, за Океаном, обретали вполне реалистическую географическую локализацию; так, цель аргонавтов – царство Ээта, располагавшееся в описаниях древнейших *Аргонавтик* на океанском берегу то ли на западе, то ли на севере, то ли на востоке ойкумены, было позже отождествлено с Колхидой в Восточном Причерноморье; подобную же судьбу испытали киммерийцы, изначально локализованные Гомером на далеком океанском берегу, а затем помещенные Геродотом на северном побережье Черного моря.

Говоря о географии Восточной Европы и, в частности, о ее гидрографии в представлениях античных авторов, следует иметь в виду, что она полна деталей, которые, мягко говоря, не отвечают действительности, что и понятно, так как знания о ней были довольно приближенными и нечеткими.

Прежде всего следует сказать об общей конфигурации Восточной Европы, как она запечатлелась в античной географии.

По античным представлениям, с севера всю Евразию омывал Северный (Скифский, Кроныйский, Ледовый) океан. Это обстоятельство делало возможным – конечно, лишь умозрительно – морское сообщение по Северному морскому пути, открытому в практике мореплавания лишь две тысячи лет спустя. В качестве доказательства возможности такого пути римский автор середины I в. н. э. Помпоний Мела рассказывает следующую историю:

Долгое время точно не знали, что находится по ту сторону Каспийского залива – то ли океан, то ли скованная холодом земля без конца и края. По этому вопросу мы можем сослаться не только на физиков и Гомера, утверждавших, что вся суша окружена морем, но и на Корнелия Непота, писателя более позднего и потому заслуживающего большего доверия. Он приводит свидетельство Квинта Метелла Целера, который сообщает, что в бытность свою проконсулом в Галлии он получил в подарок от царя боотов каких—то жителей Индии. Спросив, как попали они в эти места, Метелл узнал, что буря отогнала их от берегов Индии, что они долго блуждали по морю и, наконец, высадились на германском берегу. Следовательно, за Каспийским морем находится не суша, а океан. (III, 44–45, пер. С. А. Апта).

Ту же историю с небольшими расхождениями позже пересказывает Плиний Старший (NH, II, 170).⁷ Итак, для античного географа с севера Европа и Азия ограничиваются морем — океаном.

В античности не знали о полуостровном положении Скандинавии, в лучшем случае она была известна как остров Сканза или Скатинавия (уже у Помпония Мелы и Плиния, позже у Птолемея), лишь в Средние века распознанный как полуостров.⁸ Считалось, что этот остров расположен против побережья Германии восточнее устья Эльбы (см., например: *Mela*, III, 54; *Plin.* NH, IV, 96). Таким образом, Балтийское море практически выступало для большей части Европы Северным океаном.

Еще одна «мнимая реальность» Восточной Европы – Каспийское море, представленное в наиболее распространенной античной традиции заливом Северного океана, с которым оно соединялось посредством узкого и длинного пролива (внутренним морем его считали только Геродот и Птолемей).

Все это приводило к тому, что общие контуры Евразии, какими они виделись античным географам и картографам, сильно отличались от реальных: размеры Северной Евразии в значительной степени скрадывались. Евразия оказывалась без Скандинавии, при этом Балтийское побережье как самое северное и продолжающееся на восток практически по той же широте отрезало всю Северо—Восточную Европу.⁹ Восприятие Каспийского моря как залива океана приближало океан к каспийскому устью Волги, при этом отсекалась практически вся территория Сибири, Дальнего Востока, Китая и Юго—Восточной Азии, хотя и предполагалось, что Северный океан тянется до соединения с Восточным.

Таким образом, северный предел Евразии в представлении античных географов проходил – если наложить его на современную карту – с запада на восток по Балтийскому побережью, далее загибался к Северному Прикаспию, затем, пройдя через хорошо знакомые после походов Александра Великого среднеазиатские земли Бактрии и Хорезма, резко сворачивал к югу, ограничивая с востока Индию (см. илл. 1).¹⁰ В рамках этих «мнимых» географических реальностей и должны были разыгрываться исторические события, локализоваться реки, горы, озера, размещаться народы и города, что приводило к многочисленным парадоксам и путанице в письменных источниках. В рамках этих представлений¹¹ и стала, в частности, возможной вера в то, что индийцы могли «прибыть» в Западную Европу Северным морским путем.¹²

⁷ См. толкования этого эпизода: *Thomson J. O.* History of Ancient Geography. Cambridge, 1948. P. 199; *Хенниг П.* «Индийцы» в Германии и Галлии (62 г. до н. э.) // *Хенниг П.* Неведомые земли. М., 1961. Т. I. С. 297–300; *Bengtson H. Q.* Caecilius Metellus Celer (cos 60) und die Inder // *Historia* III. 1954/1955. S. 229–236; *André J.* Des Indiens en Germanie? // *Journal des Savants*. 1982. P. 45–55; *Pomponius Mela.* Chorographie / Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman. Paris, 1988. P. 278; *Tausend K.* Inder in Germanien // *Orbis terrarum*. 5. Stuttgart, 1999. S. 115–125; *Подосинов А. В.* Индийцы на Севере Европы? (Несколько замечаний к *Mela*, III, 45) // *ВЕДС*. 2005. Ч. I. С. 29–33; *Молчанов А. А.* Индийцы на севере Европы в 62 г. до н. э.: реконструкция маршрута путешествия при его сокращенном описании в источниках // *ВЕДС*. 2006. С. 135–138.

⁸ Известно, что впервые название «Балтийское море» (*mare Balteum*) как наименование залива Северного океана встречается весьма поздно у Адама Бременского в 1070–х гг. (см.: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // *ДР*. С. 275–276). Адам называет Скандинавию именем *Sconia* и считает ее полуостровом (*Sconia et pars ultima Daniae, fere insula; undique enim cincta est mari, preter unum terrae brachium, quo ab oriente continens Sueoniam disternit a Dania* – IV, 7). О развитии представлений о Скандинавии начиная с античности см. подробнее: *Svennung J.* Scadinavia und Scandia: Lateinischnordische Namenstudien. Uppsala, 1963; *Lund A. A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart* / Ed. A. Engel—Braunschildt u. a. Frankfurt am Main u. a., 2001. S. 29–45; *Чекун Л. С.* Первые карты Скандинавского полуострова // *ДГ*, 1999 г. М., 2001. С. 44–85.

⁹ Только в этой перспективе могли эстии (*Aestii*) Балтийского побережья быть локализованы рядом с акациями (хаза-рами), как это произошло у Иордана (см. *Get.* 36: *ripan oceanum item Aesti tenent..., quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum fortissima..., ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes...*).

¹⁰ Ср. *Plin.* NH, II, 167–168: «Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана... Также македонский флот совершил плавание из Индийского моря на восток, под той же самой звездой, по той части океана, которая расположена против Каспийского моря... 168. И вокруг Каспийского моря большая часть побережья была исследована, почти весь север обогнули с одной и с другой стороны» (пер. Н. М. Подземской).

¹¹ В античности скифы, которые мыслились живущими от Восточной Европы до Средней Азии, представлялись антич-

О том, каким географическим материалом следовало заполнять земную поверхность в случае недостатка сведений, не без иронии информирует нас греческий писатель Плутарх:

...историки в описаниях земли помещают то, что им неизвестно, в самых отдаленных частях карт, делая при этом надписи такого рода: 'а далее песчаные безводные пустыни, изобилующие дикими зверями', или 'непроходимое болото', или 'скифский холод', или 'ледовое море' (Thes. 1, 1).

Слова Плутарха хорошо показывают характер работы античного историка, географа или картографа, когда тот сообщал об отдаленных и малоизвестных регионах ойкумены.¹³

Что же касается речной системы Восточной Европы, то греки и римляне, через античные города Северного Причерноморья достаточно хорошо знакомые с местными природными условиями, неплохо ориентировались в системе рек, впадающих в Черное и Азовское моря (заметим, что она не всегда совпадает с современной гидрографией).¹⁴ Наряду с хорошо известными в античности Дунаем (Истр), Днестром (Тирас), Южным Бугом (Гипанис), Днепром (Борисфен), Доном (Танаис) и Кубанью (Гипанис, позже Куфис) античные авторы, в частности Геродот, называют еще несколько рек, которые не поддаются отождествлению с современными; таковы, например, реки Пантикап, Гипакирис, Герр, локализуемые Геродотом (IV, 54–56) между Борисфеном и Танаисом, а также реки Лик, Оар и Сиргис, текущие, по Геродоту (IV, 123), через земли меотов в Азовское море.

Волги в античности до Птолемея не знали, не в малой степени вследствие восприятия Каспийского моря как залива океана. Возможно, смутные сведения о ней сохранили название реки *Оар* (= *Pa* Птолемея) у Геродота и описание пролива, соединяющего океан с Каспием, как длинного, узкого и похожего на реку (см. об этом ниже в Очерке 3).

Если устья северочерноморских крупнейших рек были хорошо известны и довольно точно локализованы (а греки предпочитали основывать свои колонии именно в устьях больших рек), то в познаниях об истоках этих рек в античности не было ясности, поскольку из—за сложной этнополитической ситуации плавания по рекам далеко вглубь материка были затруднены. В античности были распространены две точки зрения на происхождение этих рек — «горная» (по Аристотелю, все реки Северного Причерноморья текут с северных Рипейских гор — Meteor., I, 13, 20) и «озерная» (по Геродоту, Тирас, Гипанис, Пантикап, Гипакирис, Танаис вытекают из озер — IV, 51–57). Практически ни та, ни другая не отвечают географической реальности, будучи вызваны к жизни априорными теориями о происхождении рек вообще. Так, например, Страбон, полемизируя со своими предшественниками, пишет (II, 4, 6):

ным авторам соседями индийцев, которых от скифов будто бы отделяет лишь горный хребет, разделяющий Азию на северную (скифскую) и южную (индийскую). Ср. *Diod.*, II, 43: «Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну». См. также замечание Иоанна Цеца: «Колхи — это индийские скифы» (Comm. ad Cassandram Lycophronis, 174). Ср. также *Plutarch. Marius*, XI: «Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией...». Если Кельтика, под которой понималась вся Западная Европа, соседил со Скифией, а та, в свою очередь, соседил с Индией, то добраться из Индии до Кельтики представлялось вполне реальным делом. Тот же Плутарх сообщает о планах Цезаря следующее (*Caesar*, LVIII): «...Цезарь готовился и намеревался идти походом на парфян, а покорив их и через Гирканию вдоль Каспийского моря и по Кавказу обойдя Понт, вторгнуться в Скифию, [затем], пройдя соседние с германцами страны и самую Германию, через землю кельтов возвратиться в Италию и, [таким образом,] связать этот круг господства, ограниченного отовсюду [окружающим землю] Океаном». Таким образом, Цезарь хотел прибыть в Западную Европу из земли парфян, двигаясь практически вдоль Северного океана.

¹² По свидетельству Страбона, Патрокл, исследовавший в конце III в. до н. э. южное побережье Каспийского моря, считал возможным плавание из Индии через Северный океан в Каспийское море, хотя сам Страбон и считает это плавание маловероятным (см.: *Strabo*, XI, 11, 6).

¹³ Ср. *Strabo*, VII, 3, 1: «Незнакомство с этими странами [на северо—востоке Европы. — А. П.] заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические «Рипейские горы» и «гиперборейцев»» (пер. Г. А. Стратановского).

¹⁴ См. специальное исследование: *Шрам Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко—филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

Некоторые не заслуживающие внимания писатели говорили, что Танаис берет начало из мест, близких к Истру, и течет с запада, не сообразив при этом, что в промежутке текут в Понт большие реки Тира, Борисфен и Гипанис, из коих первая параллельна Истру, а прочие – Танаису; и если не открыты истоки ни Тиры, ни Борисфена, ни Гипаниса, то страны, лежащие севернее их, должны быть еще гораздо менее известны (пер. В. В. Латышева).

Особая роль выпала в античности Дону (Танаису), который очень рано стал восприниматься как граница между Европой и Азией, выступая в той же роли, что и Нил, разграничивавший Азию и Африку. Это представление о Танаисе перешло в средневековую географическую литературу как в Европе, так и – через Птолемея – в странах арабо—мусульманской цивилизации,¹⁵ просуществовав до XVIII века, когда за границу между этими частями света был принят Уральский хребет.

Что касается рек Восточной Европы, впадающих в северные моря, то только в I в. до н. э. в римских источниках впервые упоминается Висла, и только Птолемей во II в. н. э. называет еще несколько рек, впадающих в Балтийское море. Тем не менее на протяжении всей античности существовало представление о возможности достичь из Черного моря Северного океана (= Балтийского моря) (см. Очерк 2).

В настоящей работе, которая носит очерковый характер, не ставится задача рассмотреть все аспекты гидрографии Восточной Европы в античности. Для этого потребуются отдельная монография. Чтобы продемонстрировать высокую степень знакомства античных авторов с реками Северного Причерноморья и в то же время сложность в определении их истоков и верхнего течения, приведу в заключение знаменитое описание Днепра (Борисфена), оставленное Геродотом (IV, 53):

(1) Четвертая река – Борисфен – величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнивать никакую другую реку. (2) Из остальных Борисфен самый полноводный; он представляет прекраснейшие изобильнейшие пастбища для домашнего скота. [В нем водится] множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. (3) У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. [Здесь водятся] огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями; их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления. (4) Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов—земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания. (5) Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов. Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. (6) Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты (пер. Г. А. Страгановского).

¹⁵ См., что пишет, например, о границах Европы арабский автор ал—Баттани (ок. 858–929 гг.): «Описывают границы этой области (т. е. Европы. – А. П.): с запада и севера – Западное море, оно же Укийанус (т. е. греч. Океан. – А. П.); со стороны юга – море Мисра (т. е. Средиземное. – А. П.) и ар—Рума (т. е. греч. Ромейское = Византийское. – А. П.); со стороны востока – Танаис и озеро Майутис (т. е. греч. Меотис = Азовское море. – А. П.). Эта земля представляется похожей на остров, и название ее – Урфи (т. е. греч. Европа. – А. П.)» (цит. по: Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 144–145).

ОЧЕРК 2

Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны балтийского и Черного морей

В настоящем очерке я хотел бы проанализировать некоторые сведения античных и средневековых литературных и картографических источников о речных путях, которые, по мнению их авторов, соединяли между собой бассейны Черного и Балтийского морей.

Для начала приведу один интересный историографический казус. Итальянский историк XV в. Бьондо Флавио (*Blondus Flavins*) в своей «Римской истории» упомянул поход русов на Константинополь 860 г. в таких словах:

...норманны... привели флот из трехсот шестидесяти кораблей к Константинополю и, разграбив и предав огню его пригороды, вернулись в Британнское море...

Полстолетия спустя венецианский историк Марк Сабеллик в своем произведении «Рапсодии исторических эннеад» высмеивает Бьондо Флавио за географическое невежество:

Удивляюсь я Блонду в том месте, когда он касается норманского похода... каковая экспедиция, конечно же, должна была бы взбудоражить всю Европу, раз уж, объехав вокруг столь многих земель и отправившись через океан Галльский, Иберийский и Атлантический, а оттуда через внутренние моря, на глазах у всей Европы обогнув необъятные берега, достигла она Константинополя; так что подозреваю, что сей вообще мудрейший муж ошибся по неведению тех мест, полагая дело так, будто существовал водный путь (*quasi pervia sit navigatio*) из Британнского моря через Германское и Сарматское к Меотиде и Босфору, а затем оттуда в Понтийское море – о чем внушали некоторые греки, и среди них Орфей, с чьим мнением не согласны наиболее сведущие в географии...¹⁶

Итак, автор начала XVI в. отрицает существование водного пути «из варяг в греки» в Средние века, считая это выдумкой древних греков. Если в первом утверждении он явно не прав, то приписывание знакомства с этим путем грекам близко к истине.

Поэтому историю знания о водном пути из Черного моря в Балтийское следует начать с античности.

В предыдущем очерке уже говорилось, что при хорошем знании греками устьев рек, впадающих в Черное и Азовское моря, вплоть до Птолемея (а это середина II в. н. э.) мы практически ничего не слышим о реках Восточной Европы, впадающих в Балтийское море, что и понятно – по суше так далеко на север не заходили греки и римляне Северного Причерноморья, да и по морю никто не достигал берегов Восточной Балтики. Греческий ученый Страбон, весьма информированный и искушенный в географии, писал в начале I в. н. э. о Северной Европе:

Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль океана. Известны они начиная от устьев Рейна до Альбиса (Эльбы. – А. П.); [...Страны же] за Альбисом у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто

¹⁶ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ, 2000 г. М., 2003. С. 152–154.

бы ранее совершил плавание [вдоль] этих берегов к восточным странам, [простирающимся] до устья Каспийского моря, [а также] и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиса; равным образом и сухим путем никто [туда] не путешествовал (VII, 2, 4; пер. В. В. Латышева).

Отметим в этом описании еще раз, что Балтийское море воспринималось как Северный океан, простирающийся от берегов Германии до устья Каспия. Живший позже Страбона Плиний Старший так описывает вход в Балтику и Скандинавский полуостров:

Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана; тогда флот, обогнув Германию, достиг Кимврского мыса (м. Скаген. — А. П.), и оттуда увидели или услышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах... [До Кимврского мыса] простирается огромный залив под названием Кодан, наполненный островами, из которых наиболее знаменита Скатинавия, неведомая по величине (NH, II, 167 и IV, 96; пер. Н. М. Подземской и М. В. Скржинской).

Первое упоминание восточноевропейской реки, впадающей в Балтийское море, встречается в «Хорографии» Марка Випсания Агриппы (ум. в 12 г. до н. э.) и, возможно, на его карте мира. Об этом свидетельствует прямая цитата из Агриппы, приведенная Плинием Старшим, в которой называется река Висла (Вистла).¹⁷ Она ограничивает с запада территорию Дакии, как это сказано в позднеримском трактате «Разделение круга земель», описывающем карту Агриппы.¹⁸ Название Вислы до Птолемея встречается только у авторов ярко выраженной Агрипповой традиции — Помпония Мелы (III, 33: *Vistula*) и Плиния (NH, IV, 81: *Vistla*).

Лишь со II в. н. э. появляются сведения и о других восточноевропейских реках, впадающих в Балтийское море.

Так, Птолемей в книге III, главе 5, описывая VIII карту Европы, задает северные и западные рубежи Европейской Сарматии:

Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы, которое [находится] под 45° долготы — 56° широты, следует
устье реки Хрона под 50° — 56°
устье реки Рудона¹⁹ под 53° — 57°
устье реки Турунта под 56°30' — 58°30'
устье реки Хесина²⁰ под 58°30' — 59°30'.

Итак, восточнее Вислы Птолемей знает еще четыре реки в направлении с запада на восток от нее, впадающие в Балтийское море, — Хрон, Рудон, Турунт и Хесин. Эти имена встречаются после Птолемея только в IV в. н. э. у Маркиана Гераклеяского (*Periplus maris externi*, II, 39 — все те же реки) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 38: реки Хроний и Бисула—Висула—Вистула—Висла),²¹ причем очевидна зависимость этих авторов от Птолемея. Существует несколько традиций отождествления птолемеевых рек,²² но эта проблема выходит за рамки данного очерка.

¹⁷ См. *Plin.* NH, IV, 81: «Агриппа всю эту область от Истра до Океана определил в 2000 миль в длину и 404 миль в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы (*Vistla*)».

¹⁸ *Divisio orbis terrarum*, 14: «Дакия ограничивается с востока пустынями Сарматии, с запада рекой Вистла, с севера океаном, с юга рекой Истр». Подробнее о карте Агриппы и ее поздних репликах см.: Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 35–76 и особенно 46, 55, 67, 75.

¹⁹ Ρούδωνος рукописные варианты: Ρούβωνος, Βούβωνος, Ρουβούνου.

²⁰ Χεσίνου; варианты: Χεσίγνου, Χεσύνου, Χερσίνου.

²¹ Попытку сравнить названия этих рек с названиями, сохранными другими античными авторами, предпринял уже К. Мюллер в своем издании Птолемея (*Mullerus C. Claudii Ptolemaei Geographia*. I, 1. Parisiis, 1883. P. 412–413).

²² Прегель, Неман, Виндава, Западная Двина (см.: *Möllenhoff K. Deutsche Altertumskunde*. П. Berlin, 1887. S. 25–26; Кула-

Другой автор II в. н. э. Дионисий Периегет в своем «Описании ойкумены», рассказывая о Северном Причерноморье и его реках (298–320), пишет после упоминания Борисфена: «Там же воды Алдеска и Пантикапа шумят двумя потоками в Рипейских горах. У их устьях вблизи Замерзшего моря рождается мягко сияющий янтарь, подобный свету нарождающейся луны...».²³ Таким образом, река Пантикап и Алдеск (Ардеск), упоминаемые Геродотом (Пантикап), Гесиодом (Ардеск) и другими античными авторами, но не поддающиеся у них точной локализации в Северном Причерноморье, оказываются впадающими в Балтийское море. Гесиод упоминает реку Ардеск (Ἀρδηοκος)²⁴ в своей «Теогонии» наряду с такими реками, как Нил, Меандр, Петр, Фасис, Ахелой, Каик, Скамандр и др. (Theog. 345). Некая река Алдеск (Ἀλδηοκος) названа также Евстафием в его комментарии к «Одиссее» Гомера (к XVIII, 70) и Судой (Ἀλδηοκος· ὅνομα ποταμοῦ – 1101).

Ничто в приведенных текстах не говорит о локализации Ардеска / Алдеска в Восточной Европе, но и другие географические привязки отсутствуют. Зато схолиаст Гесиода прямо говорит, что «Истр – [река в] Скифии, Фасис – у колхов... Ардеск – [в] Скифии»,²⁵ поэтому не исключено, что Дионисий Периегет воспользовался в своем описании Алдеска весьма древней традицией, согласно которой крупные реки Скифии могли сообщаться с Северным океаном.

Несмотря на то, что до начала нашей эры не было почти никаких сведений о реках, впадающих в Балтийское море (за исключением Вислы на карте мира Марка Випсания Агриппы), в некоторых (в том числе и более ранних) античных источниках содержатся неясные сведения о возможности связи Черного моря с Балтикой (= Северным океаном) через восточноевропейские реки.

В ранней греческой традиции египетский Нил и скифский Танаис—Дон, как и колхидский Фасис,²⁶ разделявшие материки, мыслились вытекающими из Мирового океана, что определялось умозрительной космологической моделью, представляющей Землю окруженной океаном.²⁷ Кроме того, уже с Гомера полагали, что все реки ойкумены, как и моря, источники и колодцы были сыновьями Океана и имели в нем свои истоки.²⁸

ковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 252–253 (1-е изд. 1899 г.); см. также: Plezia M. Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Poznań; Kraków, 1952. Т. 2. S. 38). Другая версия отождествляет Хрон с Неманом, Рудон – с Западной Двиной, Турунт – с Полотой, при этом Хесин не поддается отождествлению (Булкин В.А. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 5–8).

²³ Vv. 314–318. Перевод Е. В. Илюшечкиной в: ВДИ. 2006. № 1. С. 236–237.

²⁴ Вероятно, форма названия реки у Гесиода более закрепились в традиции, так как и Авиен, и Присциан, переложившие на латинский язык сочинение Дионисия Периегета, дают здесь вместо Дионисиева *Aldescos* «старую» форму *Ardescos* (Avien. 450) / *Ardiscus* (Priscian. 306).

²⁵ Ἰστρὸς Σκυθίας, Φάσις Κόλχων, Ἀρδηοκος Σκυθίας.

²⁶ Когда за границу между Европой и Азией принимался Фасис, то ему также приписывалась связь с Северным океаном (ср. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гесиод, Пиндар в 'Тифиониках' и Антимак в 'Лиде' говорят, что аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах) Арго, очутились на Нашем море (διὰ τοῦ ὠκεανοῦ φασιν αὐτοὺς εἰς Λιβύην, καὶ βασιτάσαντας τὴν Ἀργὴν εἰς τὸ ἡμέτερον πέλαγος (παρα)γενέσθαι» – Wendel 273–274), при этом чуть ниже (ad IV, 284) тот же схолиаст сообщает, что «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису (Ἦ τοῖος δὲ διὰ αὐτοῦς εἰσπεπλευκέναι λέγει)».

²⁷ Ср. о Ниле: Herod. II, 28: «половина воды [Нила от его истоков. – А. П.] направляется к Египту на север, а другая половина – к Эфиопии на юг»; о Фасисе: Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гекатей Милетский [говорит,] что они (аргонавты) из Фасиса проплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в Наше море (Ἐκαταῖος δὲ ὁ Μιλήσιος [λέγει] ἐκ τοῦ Φάσιδος διελθεῖν εἰς τὸν ὠκεανόν, εἰτα ἐκεῖθεν εἰς τὸν Νεῖλον, ὅθεν εἰς τὴν ἡμετέραν θάλασσαν)». Таким образом, можно было из бассейна Средиземного и Черного морей попадать в океан и наоборот. См. подробнее об этой идее: Lesky A. Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer. Wien, 1947. S. 58–87; Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 4. München, 1975. Col. 267–270; Romm J. S. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 12–26.

²⁸ Ср. Hom. II. XXI, 195–197: ... седой Океан беспредельный, Тот, из которого всякий источник и всякое море, Реки, ключи и глубокие кладези все истекают (пер. Н. Гнедича). Ср. также Hesiod. Theog. 337: «От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети». Следует отметить, что река Ардеск упомянута Гесиодом как раз здесь, среди «детей» Океана и Тефии.

Отсюда берет начало смутное, но на протяжении всей античности прослеживаемое представление о том, что и Танаис может соединять Черное море и Северный океан.²⁹

Так, Страбон (II, 4, 1) сообщает, что Пифей во время плавания на север «посетил всю береговую линию Европы от Гадир (т. е. Гибралтара. – А. П.) до Танаиса (πάσαν ἐπέλθοι τὴν παρωκεανῆτιν τῆς Εὐρώπης ἀπὸ Γαδεΐρων ἕως Ταναΐδος)», из чего современные исследователи делают вывод, что Танаис, под которым обычно понимали Дон, мог представляться впадающим также и в Балтийское море.³⁰ Конечно, это высказывание можно понять и абстрактно — географически – до Танаиса, т. е. до границы с Азией, которую тот олицетворял. Но есть возможность и буквального прочтения этого текста, поскольку многие авторы верили, что Нил и Танаис делают три материка настоящими островами, а это предполагает, что наши реки плывут от моря до моря.³¹

Тот же Страбон таким образом описывает земли между Танаисом и Волгой, которая у него обозначается как устье Каспийского моря (XI, 1,5):

Из самых этих [северных стран] первыми [в Азии] представляются области по Танаису, который мы приняли границей Европы и Азии. Эти [области] представляют как бы вид полуострова: ибо с запада они ограничиваются рекою Танаисом и Меотидой до Боспора и берега Евксина, оканчивающегося Колхидой, с севера Океаном до устья Каспийского моря, а с востока этим самым морем до пределов Албании и Армении... (пер. В. В. Латышева).

Из текста ясно следует, что полуостровом эту территорию можно назвать, только если Танаис соединяется с Северным океаном.

К этой же традиции можно отнести высказывание Маркиана Гераклеяского о том, что на севере «морское побережье Европы начинается от реки Танаис».³²

Только Прокопий Кесарийский в середине V в. н. э. осознал противоречивость ситуации с Танаисом как границей между Европой и Азией, рассуждая таким образом (Bell. Goth. IV, 6):

Так как в своем рассказе я дошел до этих мест (до Колхиды. – А. П.), мне показалось совершенно уместным рассказать о границах Азии и Европы, т. е. о том, о чем спорят друг с другом люди, занимающиеся этим вопросом. Некоторые из них говорят, что оба эти материка разделяет река Танаис... Река Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, кто еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко. Поэтому все местности, находящиеся позади этих гор и реки Танаис,

²⁹ Напомню также, что на ранних этапах знакомства с Черным морем греки считали его частью Океана (см. в Очерке 1). Первым представителем этой традиции можно считать уже Гомера, который поселил киммерийцев на берегу Океана; см. Od. XI, 12–19: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами – ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (пер. В. В. Латышева).

³⁰ См., например: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 123–124.

³¹ См., например: *Strabo*, I, 4, 7 о том, «что было много споров о материках и что одни ученые отделяют их реками – Нилом и Танаисом, считая материи островами...» (пер. Г. А. Стратановского). Ср. также сходные высказывания: *Ael. Aristid.* Aegypt. 2. 472 (Dindorf): καὶ ἔστιν ὁ κόλπος οὗτος ἢ καθ' ἡμᾶς αὕτη θάλαττα, ἢ σκίζει δίχα τὴν γῆν προολαβοῦσα τὴν Μαιῶτιν λίμνην καὶ τὸν ὑπὲρ αὐτῆς ποταμὸν Τάναιν, καὶ ποιεῖ νῆσον τὸ τιμῆμα ἑκάτερον τῇ κύκλῳ θαλάττῃ...; *Theopomp.* apud Aelian. Var. hist. 3. 18: τὴν μὲν Εὐρώπην καὶ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Λιβύην νήσους εἶναι, ἃς περιρρεῖν κύκλῳ τὸν ὠκεανόν...; см. по этому: *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903, 92–93.

³² *Periplus maris externi*, I, 5: Τῆς μὲν Εὐρώπης... ἡ παράλιος χώρα τὴν ἀρχὴν ἔχει ἀπὸ τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ. Ср.: *Berger H.* Geschichte. S. 92–93.

необходимо должны быть причислены к европейским. С какого же места в этом случае Танаис начинает разделять оба эти материка, сказать нелегко.³³

Много географических данных (в том числе весьма древних) о северо—востоке ойкумены сохранилось в описаниях похода аргонавтов в Черное море за золотым руном,³⁴ который с самого начала предполагал плавание по Океану.³⁵ Один из маршрутов возвратного плавания аргонавтов из Черного моря в Средиземное ведет через Танаис в Северный океан и затем вдоль северного и западного побережий Европы в Средиземноморье.³⁶ Диодор Сицилийский (IV, 56, 3) со ссылкой на некоторых историков и в том числе на Тимея из Тавромения (вторая половина IV в. до н. э.) описывает путь аргонавтов через Танаис, волок и большую реку, выводящую в Северный океан³⁷ (Волга—Ра?). Близкую традицию обнаруживает Скимн Хиосский (см. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 284: «Скимн говорит, что они (т. е. аргонавты — А. П.) рекой Танаисом проплыли в Великое море (т. е. в Северный океан. — А. П.), а оттуда прибыли в Наше море (т. е. в Средиземное. — А. Я.)»).³⁸ В орфической «Аргонавтике» (vv. 1035–1245) возвратный путь аргонавтов идет через Меотиду (Азовское море), Танаис, ущелье в Рипейских горах (v. 1079 – Ῥιπαίους ἀὐλῶνας), к побережью Северного океана (v. 1102: Τηθύος ἔσχατον ὕδωρ – «последняя вода Тетии»), затем по океану мимо Иерны до Гадитанского пролива (см. илл. 2). При этом путь по Танаису от Меотиды до океана занял у Арго девять суток (v. 1071: ἐννέα μὲν νύκτας τε καὶ ἡμέρας μοχθίζοντες). Отметим, что в некоторых из упомянутых источников речь идет о волоке между реками или между истоком Танаиса и Северным океаном.

Есть и еще одно обстоятельство, которое могло повлиять на возникновение веры в то, что Северное море можно достичь водным путем из Черного моря. Я имею в виду весьма древнюю

³³ См. подробнее: *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 283–285.

³⁴ См. общие работы по этой теме: *Meuli K.* *Odysseia und Argonautika.* Berlin, 1921; *Bacon I. R.* *The voyage of the Argonauts.* Methuen, 1925; *Delage E.* *La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodos.* Bordeaux; Paris, 1930; *Roux R.* *Le problème des Argonauts.* Paris, 1949; *Vojatzi V.* *Frühe Argonautenbilder.* Würzburg, 1982 (Beiträge zur Archäologie, 14).

³⁵ То, что аргонавты плыли к океану или по океану, знали уже Пиндар (Pyth. IV, 251) и Мимнерм (Frg. 11 West, Allen), т. е. страна Ээта (Эя) воспринималась как находящаяся на берегу Океана; см. подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 82–85. Иванчик считает, что «исчезновение отождествления Океана с Черным морем наряду с локализацией Эи на кавказском побережье этого моря (во второй половине VIII в. до н. э. — А. П.) не оставляло больше места для подобного плавания» и потому «было создано рационалистическое объяснение, согласно которому аргонавты вышли в Океан на обратном пути из Черного моря через реки (Истр, Фасис, Танаис и др.)...» (Там же. С. 84).

³⁶ О других версиях возвратного плавания аргонавтов см. подробнее: *Delage E.* *La géographie.* P. 51–73; *Radermacher L.* *Mythos und Sage bei den Griechen.* 2. Aufl. Brün; München; Wien, 1938. S. 220–223; *Wehrli F.* *Die Rückfahrt der Argonauten // Museum Helveticum.* 12. 1955. S. 154 ff.

³⁷ «Некоторые из старых и более поздних историков, среди которых и Тимей, говорят, что аргонавты после похищения руна, узнав, что устье Понта закрыто кораблями Ээта, совершили необыкновенное дело, достойное упоминания. Говорят, что они проплыли вверх по Танаису до его истоков (ἀναπλεύσαντας... διὰ τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ ἐπὶ τὰς πηγάς), в определенном месте они протащили корабль волоком (διελκύνσαντας) и, проплыв по другой реке, впадающей в океан, спустились к морю (καταπλεῦσαι πρὸς τὴν θάλασσαν); далее они двигались с севера на запад, имея сушу слева, и, оказавшись поблизости от Гадир, вошли в Наше море». См. об этом тексте подробнее: *Ельницкий Л.А.* Знания. С. 7—27; ср. там же, с. 20 о тимеевском пути: «На начертание подобного маршрута могли повлиять какие—либо сведения о возможности сообщения по европейским рекам между Черным и Балтийским морями, которое и было принято Тимеем за Северный океан».

³⁸ Ὁ μὲν γὰρ Σκύμνος αὐτοὺς διὰ Τανάιδος πεπλευκέναι ἐπὶ τὴν μεγάλην θάλασσαν, ἐκεῖθεν δὲ εἰς τὴν ἡμετέραν θάλασσαν ἐληλυθέναι. Далее в тексте схолиаста стоит: «Пристав к материка, аргонавты на копиях перенесли Арго, пока не добрались до моря». Л. А. Ельницкий понимает это место следующим образом: «аргонавты достигли области Северного океана по р. Танаису, откуда перенесли Арго на копиях до океанского берега», не видя здесь соединения Танаиса с океаном (*Ельницкий Л.А.* Знания. С. 18). Тем не менее текст ясно показывает, что на себе аргонавты несли свой корабль уже по Ливии, попав туда через океан, куда их вынесли воды Танаиса; ср. цитированное выше место из Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259, где Гесиоду, Пиндару и Антимаху приписывается мнение, что «аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах — βαρτάσαντα?) Арго, очутились на Нашем море». Таким образом, расположение волока мыслилось не на севере Европы, а на юге Африки.

традицию, связанную с космологическими воззрениями греков, согласно которым Меотида воспринималась как часть Внешнего (в данном случае Северного) океана.³⁹

Так, уже Псевдо—Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) в трактате «О числе 7», где контуры Земли сравниваются с лежащим головой на юг человеческим телом, пишет, что Земля имеет «Понт Эвксинский и Меотийское болото в качестве нижней части живота и прямой кишки» (XI, 7).⁴⁰ Л. А. Ельницкий, приведший этот текст, трактует его следующим образом: «Сопоставление Меотиды с прямой кишкой заставляет предполагать, что на ионийской карте Азовское море было представлено в качестве открытого бассейна, соединяющегося с внешним океаном».⁴¹ Эта традиция, вероятно, подкрепляемая известиями о связи Черного и Балтийского морей, прослеживается на протяжении многих веков.

Латинский поэт середины I в. н. э. Лукан в своей эпической поэме «О гражданской войне» пишет (De bello civili, III, 277): «Шумный пролив Понта выводит волны Меотиды, и отнимается слава у Геркулесовых пределов, и отрицается, что Океан допускает один Гадес».⁴²

Тот же смысл имеют слова Сенеки о замерзшей Меотиде, которая изливает северное море (arctoum mare = Tethys = Oceanus).⁴³

В «Перипле Эритрейского моря» (60–е гг. I в. н. э.) прямо сообщается, что «лежащее около Каспийского моря Меотийское болото изливается в океан» (Peripl. maris Erythraei, 64: ἡ παρακεμένη λίμνη Μαῖωτις εἰς τὸν ὠκείανον συναναστομοῦσα).⁴⁴

Живший во второй половине II в. н. э. Максим Тирский, очевидно, тоже считает Северный океан связанным с Черным морем, когда замечает: «...из Океана течет Меотида, из Меотиды – Понт, из Понта – Геллеспонт и из Геллеспонта – Наше море...».⁴⁵ Заливом Северного океана считал Меотийское болото и Марциан Капелла, автор V в. н. э.⁴⁶

О распространенности в античности такого представления об Азовском море свидетельствует Плиний Старший: по его наблюдению, многие считали, что Меотида – залив Северного океана;⁴⁷ сам Плиний этого мнения не разделял.

К тому же кругу представлений принадлежит и распространившаяся после походов Александра Македонского вера в то, что Азовское море соединяется с Каспийским;⁴⁸ уже это обстоятельство делало его заливом Северного океана.⁴⁹

³⁹ См.: Burr V. Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart, 1932. S. 37–38: «Einige hielten sie (sc. Maeotis) sogar wie das Hyrkanische Meer für einen Busen des nördlichen Okeanos».

⁴⁰ Сохранился лишь латинский (весьма испорченный) перевод трактата; см.: (Euvres complètes d'Hippocrate / Ed. Æ. Littré. T. VIII. Amsterdam, 1962. P. 639: «ventur inferior et longao intestinus exumus Pontus et palus meothis»).

⁴¹ Ельницкий Л. А. Знания. С. 51.

⁴² Quaque, fretum torrens, Maeotidos egeris undas Pontus, et Herculeis aufertur Gloria metis, Oceanumque negant solas admittere Gades. Ср. комментарий к этому месту в ВДИ. 1949. № 2. С. 891: «В этих замысловатых выражениях Лукан намекает на то, что Меотида через Танаис так же связана с океаном (Скифским), как Средиземное море через Геракловы столпы, которые он именует «Геркулесовыми пределами», связано с Атлантикой...». Г. Лук в своем комментарии к этому месту замечает: «Das Asowsche Meer... hatte angeblich eine Verbindung zum nördlichen Ozean» (см.: Lukan. Der Bürgerkrieg / Lateinisch und Deutsch von G. Luck. Berlin, 1985. S. 516).

⁴³ Seneca, Herc. fur. 1336–8: ... arctoum licet Maeotis in me gelida transfundat mare et tota Tethys per meas currat manus.

⁴⁴ См. перевод М. Д. Бухарина в: Бонгард—Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. Индия и античный мир. М., 2002. С. 299.

⁴⁵ Dissert. XXVI, 3: ... ἐξ Ὠκεανοῦ ἡ Μαῖωτις, ὡς ἐκ τῆς Μαῖωτιδος ὁ Πόντος, ὡς ἐκ τοῦ Πόντου ὁ Ἑλλήσποντος, ὡς ἐξ Ἑλλήσποντου ἡ [ἐντὸς] θάλασσα.

⁴⁶ De nuptiis Philologiae et Mercurii, VI, 619: Palus vero Maeotica eiusdem sinus habetur Oceani.

⁴⁷ Plin. NH, II, 168: ... ea (sc. palus Maeotica) Illius oceani sinus est, ut multos adverto credidisse.

⁴⁸ См., например, Strabo, XI, 7, 4: «...они (историки Александра. – А. II.) объединили озеро Меотиду, принимающее Танаис, с Каспийским морем, причем называли и последнее озером, утверждая, что оба водоема связаны друг с другом подземным проходом и один является частью другого...» (пер. Г. А. Стратановского). См. также Curt. Ruf. VI, 4: alii sunt, qui Maeotim paludem in id (sc. Caspium mare) cadere putent; et argumentum afferent, aquam quod dulcior sit, quam cetera maria, infuso paludis humore mitescere; Plut. Alex. 44.

⁴⁹ См.: Burr V. Nostrum mare. S. 37.

Несколько слов следует сказать об античной картографической традиции. Как обстояло дело с картами Птолемея, от которых остались только их подробные описания, уже говорилось выше. Кроме птолемеевых карт до нас дошла только одна античная карта, на которой имеется изображение Восточной Европы, – так называемая *Tabula Peutingeriana* (Певтингерова карта), сохранившаяся в копии конца XII – начала XIII в., но по своей форме и содержанию восходящая к первым векам нашей эры.⁵⁰ Певтингерова карта, как и «География» Птолемея, показывает в Восточной Европе четыре реки, которые имеют устья в Северном океане (см. сегм. VII–VIII⁵¹). Интересно отметить, что на этой карте только здесь – в Восточной Европе восточнее Карпат – фиксируются впервые реки, впадающие в Северный океан. Но самое интересное – это то, что эти реки текут от Северного океана до Черного или Азовского моря, пересекая всю сушу (см. илл. 3).

Первая с запада река имеет название *Sellianus* и показана как правый приток Гипаниса (Южного Буга), который сам несколько восточнее имеет собственное устье в Северном море, впадая другим устьем в Черное (Понт Эвксинский). По некоторым палеографическим признакам, а также по расположению реки между Днестром (*Agalingus*) и Южным Бугом, можно предположить, что *Sellianus* – это искаженное название Вислы (*Vistula*), известной античности из карт Агриппы и Птолемея⁵² и отсутствующей на Певтингеровой карте. Таким образом, Южный Буг изображен как река, имеющая прямой выход двумя руслами в Балтийское море – своим собственным и через Селлиан—Вислу, а третьим – в Черное море.

Следующая река Северного Причерноморья, показанная вытекающей из небольшого озера южнее гор (Рипейских) и впадающей в Черное море, имеет имя *Nusacus* и уверенно отождествляется исследователями с Днепром—Борисфеном. Далее следует река Танаис—Дон, имеющая это название, стекающая в полном соответствии с античными представлениями с Рипейских гор и впадающая в Меотиду (Азовское море). Вслед за Доном в Меотиду впадают еще три безымянные реки, две из которых имеют устья в Северном море.⁵³

Известный исследователь Певтингеровой карты Конрад Миллер считал, что четыре реки, текущие из Северного моря в Черное или Меотиду, обязаны своим существованием неумелости переписчика или рисовальщика карты.⁵⁴ Однако аналогия с четырьмя реками Птолемея, впадающими в Венедский залив (Балтику), наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с картографической традицией, что—то знавшей об этих реках.

Реки, впадающие сразу в два моря, вероятно, были не редкостью в античной картографии. Так, на карте мира, которая лежала в основе «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв. н. э.), Рейн течет одновременно в Западный океан (как ему и положено) и в Средиземное море (здесь он явно превращается в Рону), так что автор описания этой карты в смущении замечает: «и куда она течет – в западный океан или в Тирренское море – нельзя на существующей [карте] увидеть, так как кажется, что она течет от воды к воде (*ab aqua ad aquam videtur currere*)».⁵⁵

Пользовавшийся картографическими источниками, близкими к Певтингеровой карте, Равеннский Аноним в своей «Космографии», написанной ок. 700 г., отмечает две реки в Восточной Европе, впадающие в Балтийское море – Вистулу и Бангис.⁵⁶ Возможно, под вто-

⁵⁰ См. о ней подробнее: Подосинов А. В. Восточная Европа. С. 287–299.

⁵¹ Нумерация сегментов дается по изданию: Weber E. *Tabula Peutingeriana*. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile – Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

⁵² См. подробнее: Подосинов А. В. Восточная Европа. С. 336–337.

⁵³ Там же. С. 338 и 353.

⁵⁴ Miller K. *Itineraria Romana*. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916. S. 597.

⁵⁵ Cosmogr. 22 В. Текст и перевод см.: Подосинов А. В. Восточная Европа. С. 121.

⁵⁶ См. Rav. Anon. IV, 4: «Через эту страну [роксоланов, свариков и савроматов. —А. П.] протекают, среди прочих, следующие реки: большая река, которая называется Вистула (*Vistula*) и впадает очень полноводной в океан, и река, которая называется Лутта»; IV, 11: «Из гор этой Сарматии берет начало множество рек; среди прочих одна река, которая называется Бангис, впадает в океан, другая, которая называется Аппион, течет куда—то к [северной] части Данубия».

рым названием скрывается имя реки Буг (Южный).⁵⁷ В таком случае ее впадение в Балтийское море также свидетельствует о существовании картографической традиции изображения двух устьев одной реки, расположенных в двух разных морях.

Теперь следует остановиться на раннесредневековых картах, которые в целом продолжают традиции античной картографии, консервируя многие из античных представлений о Восточной Европе.

Прежде всего необходимо сказать о западноевропейских картах типа Т—О, которые состоят из круга (О), символизирующего Мировой океан, и вписанной в него «буквы» Т, вертикаль которой образована Средиземным морем, а горизонталь — реками Танаисом слева и Нилом справа. В этой схеме левая перекадина буквы Т чисто схематично, прямой линией, изображает не только Танаис, но и Эгейское, Мраморное, Черное и Азовское моря, отделяющие вместе с Танаисом—Доном Азию от Европы.⁵⁸ Вполне естественно, что эта схема предполагает соединение Черного моря с Северным океаном (см. илл. 4), совершенно в духе древнегреческих представлений об обратном пути аргонавтов.

В Средневековье изготавливались и более подробные карты типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд.⁵⁹ На многих из них Танаис соединяет Меотиду с Северным океаном. Такова, например, Фрайзингская карта мира из Мюнхена XI в., на которой довольно реалистично изображены Средиземное, Мраморное, Черное и Азовское моря, но из Азовского моря к Северному океану уходит река, очевидно Танаис—Дон⁶⁰ (см. илл. 5). Соединяется с Северным океаном и Танаис, впадающий другим своим устьем в Понт Эвксинский, на Кембриджской карте конца XII — начала XIII в.⁶¹ (см. илл. 6). Фрэнсис Дворник увидел в этом изображении свидетельство того, что автор карты знал о существовании речного пути «из варяг в греки», соединявшего Балтийское и Черное моря,⁶² хотя, вероятно, более прав Л. С. Чекин, видящий здесь дань многовековой традиции картографического изображения Танаиса.⁶³

Знаменитая Эбсторфская карта мира показывает в Восточной Европе реку, которая, начинаясь на юге, впадает в Северное море, называется *Olchis fl[uvius] qui et Wolkans* («река Олхис, которая также и Волканс»). На этой реке обозначены древнерусские города Новгород и Киев, есть на карте также Смоленск и Полоцк, расположенные на Западной Двине, впадающей в Балтийское море. Эти реки изображены рядом и параллельно с другими, которые текут в противоположном направлении и впадают, в свою очередь, в Черное море⁶⁴ (см. илл. 7). Многие другие средневековые карты также показывают соединение двух морей через реки: см. карты Беата (XI—XII вв.), карту мира из Мюнхена XI в. (BS, CLM 6362, f. 74), карту мира Ранульфа Хигдена (1350 г.) и другие.

В рамках этих идей становится понятным представление Адама Бременского о Балтийском море, по которому из датского города Шлезвига можно доплыть до Руси и Греции,⁶⁵

⁵⁷ Подосинов А. В. Восточная Европа. С. 277–278. В византийских источниках имя Буг в форме Βογούτ появляется впервые в X в. у Константина Багрянородного (De imp. adm. 42, 59 и 38, 69).

⁵⁸ См., например: Чекин Л. С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1999. С. 22–108 и илл. 1–18, 26, 27, 29, 31, 33, 34 и др.

⁵⁹ См. о них подробнее: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 286–370.

⁶⁰ Чекин Л. С. Картография. Илл. 37.

⁶¹ Там же. Илл. 42.

⁶² Dvornikb. the Kiev State and Its Relations with Western Europe // Essays in Medieval History, Selected from the Transactions of the Royal Historical Society on the Occasion of Its Centenary / Ed. R. W. Southern. London et al, 1968. P. 20.

⁶³ Чекин Л. С. Картография. С. 128.

⁶⁴ Там же. Илл. 48 и 51.

⁶⁵ «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, так как он тянется на большое расстояние через области скифов вплоть до Греции наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах» (Adam. Lib. IV, cap. 10; пер. В. В. Рыбакова).

поскольку Меотида, как вычитал Адам у Марциана Капеллы, является заливом Северного моря.⁶⁶ К этому же кругу идей следует отнести и помещение на карте мира из Альби VIII или IX в. надписи *Cimiricum mare* (Киммерийское море) над северным побережьем Евразии (см. илл. 8).

Что касается византийских карт, то мы практически ничего не знаем о них.⁶⁷ Недавно в Отделе рукописей Государственного исторического музея А. А. Россиус обнаружил поздневизантийскую карту мира XV в.,⁶⁸ на которой изображена овальной формы ойкумена, окруженная океаном, со Средиземным морем посреди (карта ориентирована на север). От Константинополя на север уходит вытянутая водная артерия, которая при первом расширении имеет название Понта Эвксинского, затем, уже при самом впадении в Северный океан, называется Меотидой (см. илл. 9). Таким образом, этот весьма редкий образчик византийской картографии также показывает соединение Черного и Азовского морей с Северным океаном.

От XV века до нас дошла карта мира, созданная болгарским ученым Константином Костенечским, но явно восходящая к византийским образцам.⁶⁹ На карте (см. илл. 10) Средиземное («Наше») море начинается от Гибралтара, проходит через всю ойкумену и впадает в Северный океан в его восточной части и называется там Каспийским морем. Я думаю, мы имеем здесь дело с контаминацией двух идей – что Волга соединяет Каспийское море с Северным океаном и что Танаис соединяет Черное море с Балтийским.

В ранневизантийских литературных источниках идея соединения Северного океана с Понтом через водные пути также находила себе место. Феофан Исповедник в начале IX в. в своей «Хронографии» под 679/680 г. писал:⁷⁰

В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель (т. е. Волга), в которую (Атель. – И. Ч.) впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис (Кубань или Южный Буг. —А. П.), и впадает в край Понтийского моря...

При всей географической запутанности процитированного текста одно явствует с неоспоримостью – Волга, вытекая из Северного океана, сливается с Танаисом, впадающим в Азовское море, и с Кубанью, впадающей в Черное море, делая тем самым возможным непрерывное водное сообщение между северным и южным водоемами.

Интересно, что и арабская геокартография разделяла мнение античной и западноевропейской географии о возможности водного сообщения между Черным и Балтийским морями (подробнее см. об этом ниже в главе II).

В сочинениях и на картах мира так называемой «классической школы», идущей от ал—Балхи и представленной географами X в. ал—Истахри и Ибн Хаукалом, вместо Черного и Азовского морей показан некий огромный канал (*халидж ал—Кустантинийя*, т. е. Константи-

⁶⁶ «Полагаю, что древние знали вышеописанные воды [Балтики] под именами Скифских, или Меотийских болот, «гетских пустынь», а также «скифского берега, густо населенного множеством разнообразных варваров», как назвал их Марциан, писавший, что «там обитают геты, даки, сарматы, [невры,] аланы, гелоны, антропофаги и троплодиты»» (*Adam. Lib. IV, cap. 20*; пер. В. В. Рыбакова).

⁶⁷ См. о византийской картографии: Подосинов А. В. Картография в Византии. (К постановке вопроса) // Византийский Временник. 54. 1993. С. 43–48.

⁶⁸ Син. 415 (Вл. 509), ГИМ. F 79^v.

⁶⁹ См.: Чолова Ц. Естественна-научните знания в средновековна България. София, 1988. С. 30–34.

⁷⁰ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 60.

нопольский пролив), который, начинаясь в Западном море (*ал—бахр ал—Магриб*, т. е. в западной части Атлантики), проходит до Константинополя, а затем, повернув на север, прорезает земли славян (*ас—сакалиба*), русов (*ар—рус*), болгар и впадает на севере, близ «беднейших из бедных народов Гог и Магог (*Йаджудж—ва—Маджудж*)», в так называемый Окружающий океан (*ал—бахр ал—Мухит*, здесь – северную часть Атлантики)⁷¹ (см. илл. 11 и 12).

Европа как со всех сторон окруженный водой остров показана и на недавно найденной арабской карте мира XI в., которая теперь хранится в библиотеке Оксфордского университета (MS arab. C. 90, fols. 23b—24a).⁷²

Возможно, здесь надо видеть влияние западноевропейских Т—О-образных *mappe mundi*, на которых Черное и Азовское моря вместе с Танаисом—Доном изображались одной непрерывной линией. Напомню, что именно такой «пролив» показывают упомянутые выше поздневизантийская карта мира и болгарская карта XV в.

К этому же кругу представлений следует отнести и сообщения знаменитого арабского географа ал—Идриси (1154 г.) о некоей «Русской реке», которые несут в себе известия о нескольких реках Восточной Европы (в том числе Волге и Доне) и отражают знания арабских путешественников о водном пути из Черного моря на Север Руси.⁷³

В 30-х гг. XII в. среднеазиатский ученый ал—Хараки в своем сочинении «Предел постижения относительно разделения небесных сфер» писал, что в Черное море «впадает река, которая называется Танаис, она течет со стороны севера из моря, которое называется Меотис (*Май-мас*), а это – Варяжское море» (пер. Т. М. Калининой).⁷⁴ Если учесть, что под Варяжским морем ал—Хараки подразумевал Балтийское море, то ясно, что здесь имеется в виду сплошная водная артерия между Черным и Балтийским морями.⁷⁵ Этот текст очень напоминает выше цитированное высказывание Адама Бременского, видевшего в восточной части Балтийского (Варяжского) моря античную Меотику.

Наконец, в рукописи сочинения ал—Хорезми, относящейся к XI в. (1037 г.), сохранилась карта с изображением Меотиды (*ал—Батихи*).⁷⁶ Как по ней, так и по описанию,⁷⁷ можно понять, что это озеро, по данным ал—Хорезми, не соединялось с Понтом, а имело соединение, посредством двух параллельно текущих рек, с Северным Внешним морем, соответствующим Сарматскому океану Птолемея (см. илл. 13).

Закономерно возникает вопрос, как же соотносятся между собой европейская и исламская картографические традиции изображения Европы как острова. В последние годы получила распространение теория, согласно которой исламская наука и особенно картография ока-

⁷¹ *Viae Regnorum. Descriptio ditiorum moslemicarum auctore Abu Ishak al—Farisi al—Istakhri* / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1870. P. 220; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal...* / Ed. J. H. Kramers. Leiden, 1938. Fasc. 2. P. 202, 388, 393; Калинина Т. М. Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX—XII вв. // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию И. Т. Пашуто. М., 1999. С. 92–93.

⁷² Карта была представлена 28 октября 2005 г. на «The 35th Medieval Workshop», прошедшей в Университете Британской Колумбии в Ванкувере (авторы сообщений E. Savage—Smith, Y. Rapoport и L. Berggren). Карта доступна теперь на сайте: http://www.ouls.ox.ac.uk/bodley_of_curiosities.

⁷³ См. подробнее: Коновалова И. Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал—Идриси) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 192–219 и Часть 2 Главы II настоящего издания.

⁷⁴ Фрагмент этого труда привел, среди примечаний, издатель книги ал—Баттани С. А. Наллино: *Al—Battani sive Albateni* Opus Astronomicum / Ed. C. A. Nallino. Milano, 1899. Т. III. P. 173. N. 4.

⁷⁵ Ср.: Калинина Т. М. Водные пространства. С. 89 о появлении у Хордабеха «понятия о единой водной артерии, соединяющей север и юг Восточной Европы».

⁷⁶ *Mzik H. Ptolemaeus una die Karten der arabischen Geographen* // Mitteilungen der Kaiserlichen und Küniglichen geographischen Gesellschaft in Wien. 1915. 58. S. 161; см. фотографию этой карты в: *The History of Cartography. Vol. 2. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies* / Eds. J. B. Harley and David Woodward. Chicago; London, 1992. 111. 5.

⁷⁷ См. 2378–2384 по изданию Мжика: *Das Kitāb Šūrat al—ard des Abū Ġa'far Muhammad ibn Mūsā al—Huwārizmī* / Ed. H. Mzik. Leipzig, 1926: «Затем выходят из нее [Батихи. —А. П.] две реки и (текут) между двух морей; место впадения обеих – в Северное море. И вот – карта этого» (пер. Т. М. Калининой).

зали большое влияние на развитие европейской картографии. Большой вклад в развитие этой теории внес исследователь из Франкфурта—на—Майне Фуат Сезгин.⁷⁸

⁷⁸ См.: *Fuat Sezgin*. Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. X. Mathematische Geographie und Kartographie im Islam und ihr Fortleben im Abendland. Historische Darstellung. 1–2. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2000; *Idem*. Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII. Kartenband. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2000; *Idem*. Wissenschaft und Technik im Islam. Einführung in die Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2003.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.